

Для цитирования: Жердецкий, Е. А. Миротворческая операция в Нагорном Карабахе: вызовы и проблемы международно-правового регулирования / Е. А. Жердецкий // Социум и власть. — 2025. — Т. 22. — № 3. — С. 70–84. — EDN GPMAED.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

EDN GPMAED
BAK 5.5.2
УДК 329.273
ГРНТИ 11.25.33

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ: ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Жердецкий Егор Александрович,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Северо-Западный институт управления,
аспирант факультета международных
отношений,
Санкт-Петербург, Россия.
ORCID 0009-0003-4701-0169
E-mail: e.zherdeczcky@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Введение.

Нормативно-правовое регулирование миротворческих операций является одной из основных проблем, анализируемых сегодня специалистами в области международных отношений и международной безопасности в контексте урегулирования конфликтов.

Участие миротворческого контингента Российской Федерации в стабилизации ситуации в Нагорном Карабахе с 9 ноября 2020 г. по 12 июня 2024 г. стало одной из убедительных иллюстраций того, как отсутствие должной нормативно-правовой базы повлияло на эффективность миротворческой миссии и возможности воздействия России на позиции акторов, вовлеченных в конфликт и его урегулирование.

Статья посвящена актуальным аспектам правового статуса российских миротворцев

и механизмов защиты интересов как российских миротворцев, так и миротворческих сил в целом. В статье предпринята попытка проанализировать степень выполнения задач миротворческой операции и выявить влияние на нее действий третьих сил — Турции и Ирана.

Цель. На основе анализа проблем реализации миротворческой операции Российской Федерации в Нагорном Карабахе систематизировать основные характеристики нормативно-правовой базы с учетом действий, вовлеченных в нагорно-карабахское урегулирование стран, включая Турцию и Иран.

Методы. В исследовании используется общенаучные методы, включая анализ нормативно-правовых документов и научной литературы.

Научная новизна. Заключается в комплексном анализе нормативно-правового регулирования миротворческой операции в Нагорном Карабахе, в контексте вовлеченности Турции и Ирана, что позволило выявить уникальные аспекты операции. В отличие от существующих исследований, работа фокусируется на взаимодействии различных правовых норм и принципов, применяемых всеми участниками миротворческой операции, что создает многоуровневую картину миротворческого процесса. Впервые комплексно описана работа Совместного Российско-Турецкого центра по контролю за прекращением огня в Нагорном Карабахе как политического организма взаимодействия конфликтующих сторон и Межведомственного центра гуманитарного реагирования, как института, обеспечивающего возвращение мирного населения к нормальной жизни. Более того, статья подчеркивает влияние региональных игроков на формирование нормативных основ миротворческой деятельности, предлагая новые подходы к оценке каждой заинтересованной страны в урегулировании конфликта.

Результаты. В статье рассматриваются проблемы международно-правового регулирования миротворческой операции в Нагорном Карабахе, учитывая влияние всех заинтересованных участников конфликта. Проведен анализ существующих международных норм и механизмов, таких как мандаты ООН и создание региональных договоров для решения конфликта. Выявлены недостатки в правовом регулировании миротворческой деятельности в целом и Российских миротворческих сил в частности.

Выводы. Миротворческая операция в Нагорном Карабахе демонстрирует пробелы в международно-правовых нормах для эффективного урегулирования конфликтов. Текущие проблемы координации действий всех участников, неэффективные механизмы применения превентивной силы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
миротворчество,
миротворческая операция,
Нагорный Карабах,
урегулирование конфликтов,
правовой статус

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 09.02.2024

Рецензии получены: 16.02.2025

Принята к публикации: 30.08.2025

Права: © Жердецкий Е. А. (2025).
Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

Введение

Миротворческая операция в Нагорном Карабахе была осложнена целым рядом факторов, включая проблему нормативно-правовых ограничений, препятствующих адекватной реакции миротворческого контингента на провокационные действия противоборствующих сторон. Это актуализирует исследования проблем правового обеспечения современного миротворчества, которое является одним из наиболее гуманных и эффективных методов содействия урегулированию конфликтов в современном мире.

В последнее время миротворческая деятельность занимает центральное место в работе большинства международных организаций (ООН, ОБСЕ, ОДКБ и др.). Несмотря на широкий академический интерес к проблематике миротворчества, наличия большого количества публикаций, затрагивающих данный вопрос, миротворческая деятельность нередко оказывается неэффективной в силу таких причин, как, отсутствие нейтрального статуса и явное или неявное принятие миротворческим контингентом позиций одной из конфликтующих сторон, а также активное внешнее влияние третьих стран, реализующих свои интересы в регионе конфликта.

Российская Федерация имеет опыт участия в операциях под эгидой ООН, включая операции в Боснии и Герцеговине, Косово и Метохии, Анголе, Чаде, Сьерра-Леоне и Судане. В то же время существует практика проведения собственных операций в Южной Осетии, Абхазии, Нагорном Карабахе и Приднестровской Молдавской Республике¹.

Опыту российского миротворчества посвящены работы таких российских ученых, как А. И. Никитин, С. И. Романчук, Д. А. Дегтерев, О. В. Петровская, Н. В. Шевчук [5; 11–13; 17]. Немалый интерес к проблемам практики российского миротворчества проявляют и зарубежные авторы [20–21]. При этом

¹ Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации. URL: https://mil.ru/russian_peacekeeping_forces.htm.

действующим миротворческим операциям в Приднестровье и Нагорном Карабахе посвящено немного работ, но накопленный и апробируемый в регионах этих конфликтов опыт важен для развития практики российского и международного миротворчества [18]. Задачи и этапы миротворческой операции в Нагорном Карабахе представлены отечественными исследователями В. П. Тонкошуровым и В. П. Шигиным, которые в своей статье предлагают градацию этапов процесса миротворчества, выделяют уникальные черты данной операции. В. Г. Иванов анализирует опыт использования новейших систем связи при проведении операции, которые были апробированы в САР и показали свою эффективность [8; 14]. Кроме того, немаловажным аспектом данной операции является информационно-психологическое обеспечение деятельности миротворческого контингента, которое осуществляется с помощью временного пресс-центра и публикации в СМИ [5; 16].

Миротворческая операция в Нагорном Карабахе нуждалась в нормативно-правовых корректировках, поскольку ее эффективность в условиях продолжающейся эскалации была сильно ограничена. Данной проблематике посвящена работа И. Н. Глебова, который обращает внимание на невозможность применения силы в урегулировании конфликтов с участием миротворческого контингента.

Настоящая работа посвящена особенностям международно-правового регулирования миротворческой операции в Нагорном Карабахе, актуальным аспектам взаимодействия России и Турции как со-посредников в данном конфликте и анализу их позиций, а также выявлению степени важности российско-турецкого и российско-иранского взаимодействия для достижения целей миротворческой операции [4].

Автор, проанализировал результаты проведения Вооруженными силами Российской Федерации миротворческой операции, а также причины возникновения кризиса из-за блокирования Лачинского коридора.

Правовой статус миротворческой операции

Когда мы говорим о миротворческой деятельности, осуществляемой в соответствии с действующими нормативно-правовыми актами Российской Федерации, международными соглашениями Российской Федерации, Уставами Организации Объединенных Наций, Содружества Независимых Государств и других международных организаций, членами которых является Россия, мы имеем в виду, в том числе, операции, которые Российская Федерация проводит либо в рамках ООН, либо самостоятельно.

Отнюдь не всегда понятно, что на самом деле является миротворческой миссией, так как деятельность по поддержанию мира в Уставе ООН предусматривается статьей 33¹ и принцип мирного разрешения международных споров предполагает обязательное использование государствами международно-правовых механизмов урегулирования конфликтов и разногласий, включая прямые переговоры, процедуры обследования и установления фактов, институты посредничества (медиации), процедуры примирения (согласительные комиссии), арбитражное разбирательство, судебное разрешение споров через международные судебные органы, а также обращение к региональным организациям, соглашениям или механизмам в соответствии с Уставом ООН. Стоит отметить, что возможно использование любых иных мирных средств по согласованному выбору сторон для разрешения конфликта. При этом существует и статья 42, регламентирующая правовой статус превентивного поддержания мира в регионе.

Устав возлагает на Совет Безопасности ООН главную ответственность за установление и поддержание мира в нестабильных регионах. При этом у Совета безопасности есть достаточно большие полномочия, но часто их при-

¹ Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.

менение осложнено использованием права вето постоянных членов Совета безопасности или отсутствием регулярных превентивных сил, которые в случае возобновления конфликта могли бы останавливать враждующие стороны. Интересно заметить, что в свое время Генеральный секретарь ООН (1953–1961 гг.) Д. Хаммаршельд заявлял, что описание процедуры миротворчества содержится в главе шесть с «половиной» Устава ООН, где ему отводится место среди стандартных методов мирного (статья 22 глава VI) разрешения споров: переговоров, посредничества и мер принудительного действия (статья 4 глава VII). Тем самым глава ООН подчеркивал, что миротворческие операции имеют возможность использовать превентивные методы урегулирования, но их правовой статус при этом является подтекстом [3].

Когда мы говорим о миротворческой операции в Нагорном Карабахе, то подразумеваем, что миротворческая деятельность включает в себя подготовку и проведение мероприятий по постконфликтному построению мира без участия «синих касок ООН». Почему только постконфликтному? При наличии согласия сторон может проводиться, по сути, любая операция, параметры которой согласованы сторонами конфликта.

Международная практика миротворчества накопила достаточный опыт проведения миротворческих операций вне мандата ООН. Отличительной чертой таких операций является непринудительный характер действий миротворцев. Так, например, мандатом может быть предусмотрен миротворческий контроль зон безопасности, наблюдение за соблюдением режима прекращения огня, организация гуманитарных коридоров и иные действия. Как правило, все ограничения так называемые «красные линии» согласовываются на стадии переговоров об учреждении миссии [6].

Так, применение оружия или иных принудительных мер со стороны военнослужащих Российской Федерации, как правило, невозможны, за исключе-

нием статьи 13 и 14 Устава Внутренней службы, которая дает право военнослужащим использовать оружие, только в определенных случаях непосредственной угрозы жизни и здоровья. Исходя из вышесказанного мы можем утверждать, что основными инструментами для урегулирования конфликта в НКР со стороны миротворческих сил, являются переговоры и демонстрация силы [11].

Легитимность миротворческой операции в Нагорном Карабахе определялось задокументированным согласием на такие действия со стороны суверенных государств, а именно — Трехсторонним совместным заявлением Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации, принятым 9 ноября 2020 года. На основании выраженной в указанном заявлении воли конфликтующих сторон был издан Указ Президента РФ «О мерах по поддержанию мира в Нагорном Карабахе», в котором представлен основной порядок размещения в Нагорном Карабахе сил и средств Вооруженных сил Российской Федерации, а также параметры взаимодействия и организации деятельности Российского миротворческого контингента с органами исполнительной власти Российской Федерации и заинтересованными сторонами в конфликте. Важно отметить, что данный документ не затрагивает нормативно-правовые основы взаимодействия в рамках ОДКБ, а миротворческая операция в Нагорном Карабахе не встроена в систему коллективной безопасности в рамках этой организации [15]. Так, по словам официального представителя МИД РФ А.А. Панкина, отсутствие признания Нагорного Карабаха Арменией «не позволяет говорить о задействовании оборонительного потенциала ОДКБ»¹, хотя в разрешении конфликта участвуют две страны этого военного союза — Россия и Армения.

¹ В МИД оценили вероятность привлечения ОДКБ к урегулированию в Карабахе. URL: <https://ria.ru/20201023/karabakh-1581173871.html>

Начало миротворческой операции в Нагорном Карабахе

Результатом Первой Карабахской войны 1992–1994 гг. стала победа вооруженных формирований НКР и обретение фактической независимости НКАО (входившей в Азербайджанскую ССР). Итогом конфликта стало формирование самопровозглашенной Нагорно-Карабахской Республики. Помимо территории НКАО под контроль НКР перешли также семь районов бывшей Азербайджанской ССР: Кельбаджарский, Лачинский, Кубатлинский, Зангеланский, Джебраильский, Физулинский и Агдамский. На их территории был создан так называемый «пояс безопасности» Нагорного Карабаха.

Стоит отметить, что Совет безопасности ООН в резолюции №874 признает территориальную целостность Азербайджана, для мирового сообщества вся территория вновь самопровозглашенной НКР осталась де-юре Азербайджанской, де-факто около 40 тысяч этнических азербайджанцев проживающих на территории НКАО покинули свои дома, и основу населения НКР составили этнические армяне.¹

Наблюдатели ООН зафиксировали, на момент вывода армянского населения в 2024 г. из Нагорного Карабаха, около 120 000 чел. беженцев.²

В последующие после победы сторонников НКР годы конфликт находился в затяжном и частично замороженном состоянии, периодически перерастая в нечастые локальные столкновения между вооруженными силами Армении и Армией обороны Нагорно-Карабахской Республики (АО НКР), с одной стороны, и вооруженными силами Азербайджана — с другой. Наиболее серьезные обострения конфликта происходили дважды — в апреле 2016 г. и в сентябре — ноябре 2020 г.

Летом 12 июля 2020 г. в приграничных районах произошел ряд столк-

новений между подразделениями вооруженных сил Армении и Азербайджана, продолжавшихся с переменной интенсивностью около недели. Полномасштабные военные действия, получившие название Второй Карабахской войны, развернулись 27 сентября 2020 г. и стали самыми кровопролитными за весь период с 1994 г.

Около 07:00 27 сентября 2020 г. ВС Азербайджана начали военную операцию «Железный кулак», нанеся массированные авиационные и артиллерийские удары по позициям армянских войск в Нагорном Карабахе.

В результате в первые дни войны Азербайджанскими вооруженными силами было успешно уничтожено большинство средств противовоздушной обороны, что дало возможность беспрепятственного использования турецких беспилотных летательных аппаратов для разведки и высокоточных ударов по позициям противника [10].

10 октября 2020 г. при посредничестве России была предпринята первая попытка остановить военные действия. По итогам прошедших в Москве много часовых переговоров между министрами иностранных дел, стороны объявили о прекращении огня в гуманитарных целях для обмена военнопленными и телами погибших, однако бои и обстрелы продолжились. Российская сторона понимала, что конфликт в Карабахе ставит вопрос не о локальной войне, а о новом балансе сил в Закавказье [2]. В конце октября — начале ноября вооруженным силам Азербайджана удалось полностью реализовать достигнутый ранее успех, подавив сопротивление армянских вооруженных подразделений на юге непризнанной республики и взяв под свой контроль территории Джебраильского, Физулинского, Зангеланского, Гадрутского и Кубатлинского районов. Азербайджан также установил контроль над границей с Ираном, которую ранее контролировали войска Нагорного Карабаха.

В завершении боев 5–7 ноября 2020 г. азербайджанская армия заняла стратегически важный город Шуша,

¹ Нагорный Карабах. Историческая справка. Ереван : Академия Наук Армянской ССР, 1988.

² Как бегство ста тысяч человек из Нагорного Карабаха изменило Армению. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/10/2023/65194eda9a7947728af52916>.

расположенный на возвышенности в 10 километрах от Степанакерта – столицы и самого населенного города Нагорного Карабаха. Одновременно в Шуше и западнее этого города азербайджанские войска взяли под контроль главную дорогу, связывающую центральные районы Нагорного Карабаха с Арменией (в дальнейшем ставшая Лачинским коридором).

В значительной степени ситуация в Нагорном Карабахе вернулась к той, что была до начала военного конфликта в 1992 г. Потеря Шуши делала практически невозможной дальнейшую оборону Степанакерта и грозила полной потерей независимости непризнанной республики. В этих условиях руководство Армении было вынуждено пойти на уступки ради сохранения под своим контролем остатков территории Нагорного Карабаха.

9 ноября 2020 г. было принято Трехстороннее совместное заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации, положившее конец 44-дневной войне.

Это позволило осуществлять введение миротворческого контингента, основу которого составила 15-я отдельная мотострелковая бригада российских Вооруженных Сил. Общая численность российского миротворческого контингента, согласно Трехстороннему заявлению, составила 1960 миротворцев, 90 БТР, 380 единиц автомобильной и специальной техники. Силы и средства противоборствующих сторон согласно ежегодному бюллетеню *The Military Balance*, оценивались следующим образом: армия Армении в 43 000 тысячи человек, а армия Азербайджана в 57 000 человек¹. Соответственно, данный контингент являлся демонстрацией миротворческих сил Российской армии, определенной сторонами гарантом безопасности и независимым наблюдателем.

Основной задачей российских миротворцев, стало:

- сохранение стабильности в регионе и недопущение гуманитарной катастрофы;
- наблюдение и контроль за соблюдением условий перемирия и прекращения огня, содействие созданию безопасной обстановки в кризисных районах путем обеспечения видимого присутствия миротворческого контингента;
- обозначение зон ответственности, создание гуманитарных коридоров, недопущение боевого взаимодействия конфликтующих сторон;
- создание условий для переговоров и других мероприятий по мирному урегулированию конфликта, восстановлению законности и правопорядка, нормального функционирования государственных и общественных учреждений и организаций;
- создание условий для деятельности российских государственных органов и общественных организаций по оказанию гуманитарной помощи жителям, пострадавшим от военных действий;
- содействие в организации доставки гуманитарной помощи, контроля за ее распределением среди населения. Для этого в том числе был создан Межведомственный центр гуманитарного реагирования. В состав Межведомственного центра вошли военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации, представители Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, а также представители иных заинтересованных федеральных органов исполнительной власти.

При этом решение организационных и иных вопросов, связанных с созданием и деятельностью Межведом-

¹ *The Military Balance*, 2022. С. 185.

ственного центра, было возложено на Министерство обороны Российской Федерации.

Отличительной чертой данной операции от других ранее осуществлявшихся на постсоветском пространстве является:

- во-первых, отсутствие заинтересованности операцией наших западных партнёров в лице Соединённых Штатов Америки;
- во-вторых, наличие уникального заявления конфликтующих сторон о прекращении огня и дипломатическое урегулирование с помощью третьей стороны (России), которая состоит в военном союзе с одной из конфликтующих сторон;
- в-третьих, создание Совместного Российско-Турецкого центра для мониторинга и контроля за обстановкой, учитывая, что турецкая армия также является заинтересованной стороной в конфликте [2].

Как мы уже отмечали, Вооруженные Силы Российской Федерации, были ограничены в правовом статусе применения превентивных силовых мер воздействия на конфликтующие стороны. Взаимодействие между сторонами происходило благодаря переговорам руководства Российского миротворческого контингента с руководством Совета безопасности Нагорного Карабаха и Министерством обороны Азербайджанской республики. Постоянный контакт позволял успешно пресекать ожидающиеся провокации с обеих сторон. Ключевым моментом являлась работа российских миротворцев, которая заключалась в выявлении реальных случаев нарушения Трёхстороннего заявления на фоне постоянных провокационных заявлений конфликтующих сторон в СМИ.

Так, благодаря оперативным действиям российских миротворцев, удалось успешно остановить начавшийся 1–3 августа 2022 года вооруженный конфликт. Основной причиной начала конфликта была позиция Азербайджана

о необходимости передачи Лачинского района и скорейшего завершения строительства альтернативной дороги для перемещения на нее миротворческого контингента. В заявлении азербайджанского МИД содержались обвинения в адрес Армении в связи с неисполнением заявления от 10 ноября 2020 года, подписанного лидерами трех стран. В частности, в документе говорилось, что «армянские вооруженные отряды до сих пор не выведены с азербайджанских территорий». Азербайджанская сторона настаивала на реализации положений статьи 4 трехстороннего заявления о том, что «миротворческий контингент Российской Федерации размещается параллельно с выводом армянских вооруженных сил»¹. Азербайджан требовал от руководства Нагорного Карабаха передачи Лачинского района (данный район, должен был перейти Азербайджанской стороне сразу после постройки альтернативной дороги). При этом процесс передачи территории фактически активно затягивался Армянской стороной, что, естественно, обостряло конфликт.

Для урегулирования данного конфликта руководством Российским миротворческим контингентом было принято решение, организовать буферную зону между противоборствующими сторонами, что значительно усложнило дальнейшее развитие конфликта. Для этого миротворцами были организованы дополнительные наблюдательные посты в Лачинском районе.

Роль третьих стран в миротворческой операции в НКР

Важным игроком в этой операции являлась Турция. Широко известно усилившее в последние два десятилетия, влияние Анкары в Закавказье, что не раз отмечалось экспертами как проявление турецкой «мягкой силы». В контексте миротворческой операции это

¹ МИД отверг безосновательное заявление Армении. URL: <https://ru.axar.az/news/politika/698677.html>

измерение важно, поскольку политика Анкары не подразумевает «прямое включение» своих вооруженных сил в боевые действия. Однако на деле очевидно непосредственное участие Турции и турецких военных в конфликте [1]. Стоит отметить, что действующее правительство Турции во главе с Р. Эрдоганом, не раз заявляло во время 44-дневной войны о построении государства всех турок — «Великого Турана» как об основной задаче, и призывало все тюркоязычные народы к объединению [9].

Важно подчеркнуть, что Турция не является в данном конфликте нейтральной стороной, что не раз подтверждалось военным и политическим руководством страны. Однако Анкара не только обеспечивала военную поддержку Азербайджана, но и являлась одной из сторон взаимодействия с российскими миротворцами. Для этого сразу же после введения миротворческого контингента был сформирован Совместный Российско-Турецкий центр по контролю за прекращением огня в Нагорном Карабахе¹.

Совместный Российско-Турецкий центр по контролю за прекращением огня в Нагорном Карабахе расположился на территории Агдамского района, который, по Трехстороннему заявлению, являлся территорией Республики Азербайджан. Основной деятельностью Центра стал мониторинг за обстановкой в регионе конфликта. При этом технически использовались как российские, так и турецкие беспилотники типа «Орлан — 10», «Форпост» и «Bayraktar», соответственно. Центр осуществлял контроль за прекращением огня и всех военных действий сторонами Нагорно-Карабахского конфликта. Уникальность Центра заключалось в организации оперативного мониторинга и предотвращении провокаций конфликтующих сторон, а в случае наличия таковых — обеспечении

возможности оперативной и объективной оценки и выработки предложений по их урегулированию [19].

Военное руководство Российской Федерации возлагало больше надежды на Совместный Российско-Турецкий центр по контролю за прекращением огня в Нагорном Карабахе. Данный Центр служил своего рода универсальной площадкой, совмещающей в себе функции «миротворческого посольства», и официального представительства позиции миротворцев с турецкой стороны. Весь комплекс таких мер, по замыслу инициаторов, должен был стать основой для примирения конфликтующих сторон. Так, по мнению заместителя министра обороны Российской Федерации А.В. Фомина, работа Совместного центра должна способствовать установлению прочного мира и сформировать твердую основу для урегулирования застарелого конфликта. Совместный Российско-Турецкий центр по контролю за прекращением огня в Нагорном Карабахе для Турции стал альтернативой ввода турецких миротворцев и возможностью или организовывать мониторинг ситуации [22].

Рассматривая всех игроков в Нагорно Карабахском конфликте, нельзя не упомянуть об Иране и взаимоотношениях Ирана и Турции в контексте миротворческой операции [23]. Иранское правительство и политические эксперты, всегда подчеркивали, что до 2020 года Иран имел общую границу с Нагорным Карабахом. Армянское правительство позиционировало поддержку Ираном Нагорного Карабаха как своего рода признание последнего в качестве независимого государства [5].

Стоит отметить, что Посол Ирана в Армении Сейед Али Сагаян 19 февраля 2010 г. на международной встрече заявил, «Иран имеет общую границу с Нагорным Карабахом, он выскажет свою позицию в отношении миротворческих сил, которые в будущем могут быть там размещены»². Идея организации пере-

¹ Меморандумом «О создании Совместного Российско-Турецкого центра по контролю за прекращением огня и всех военных действий в зоне Нагорно-Карабахского конфликта» от 11 ноября 2020 г., подписанным Министрами обороны Российской Федерации и Турецкой Республики.

² У Ирана особая позиция о составе миротворческих сил в Нагорном Карабахе. URL: <https://regnum.ru/news/1255810.html>.

говоров между тремя сторонами описывались и в зарубежных политических университетах, что отмечено в статье политолога Yilmaz, S. Так, автор рассматривает турецкую и иранскую модели переговоров как сотрудничество трех стран Южного Кавказа с Россией и Турцией «3 + 2», предложенное Турцией; а также формулу «3 + 2», предложенную Ираном и Арменией (3 южно-кавказские республики + Россия и Иран) по урегулированию конфликта.

Но во время эскалации в Нагорном Карабахе, Иран, несмотря на неоднозначные отношения с Турцией, и открытую поддержку непризнанной республики до этого, заявил о поддержке Азербайджана [7]. Все эти факты указывают на серьезную заинтересованность Ирана в поддержании стабильности в регионе.

Блокада лачинского коридора и установление контроля Азербайджана над Нагорным Карабахом

Несмотря на периодические нарушения режима прекращения огня с обеих сторон конфликта, фиксируемого российскими миротворцами, основные задачи по обеспечению жизнедеятельности региона, сохранения логистики и безопасности мирного населения, в целом успешно выполнялись до 12 декабря 2022 года. Именно в этот день был окончательно заблокирован Лачинский коридор, являющийся единственной транспортной артерией связующей Армению и Нагорный Карабах.

Предпосылками к данному конфликту и основной версией причины блокировки азербайджанские власти называют незаконную добычу полезных ископаемых на де-юре территории Азербайджана. Стоит отметить, что на территории, подконтрольной непризнанной Нагорно-Карабахской республике, находится золотодобывающий и медедобывающие заводы. Так, первой предпосылкой к блокировке коридора стал протест граждан Азербайджана, которые вышли на лачинскую дорогу,

подконтрольную территорию российского миротворческого контингента, вблизи города Шуши 3 декабря 2022 года.

В течении нескольких часов оперативных переговоров руководством российского миротворческого контингента данный конфликт был урегулирован. Важным аспектом в текущей ситуации, являлось требование Азербайджанской стороны в экологическом мониторинге мест добычи полезных ископаемых, который был бы невозможен ввиду отсутствия диалога официальных представителей непризнанной республики и представителей азербайджанской стороны.

В итоге, утром 12 декабря 2022 года на территории Лачинского коридора были в одностороннем порядке размещены гражданские азербайджанские экологические активисты, около 30 человек, а уже через несколько часов, ими были развернуты пункты обогрева и питания, смена между активистами проходила примерно каждые 3-4 часа. Переговоры и поиски путей разрешения данного конфликта со стороны руководства миротворческого контингента к результатам не привели. Были предприняты несколько попыток переговоров между главами государств, которые привели к заявлению премьер-министра Армении Н. Пашиняна, что для подписания мирного договора между странами, Армении необходимо признать границы Азербайджана, то есть признать Нагорный Карабах азербайджанским. После 23 апреля 2023 г. уже в начале Лачинского коридора, азербайджанские военнослужащие установили контрольно-пропускной пункт, тем самым полностью заблокировав его, а с ним и миротворческий контингент и Нагорный Карабах в целом. При этом азербайджанской стороной был проинформирован Совместный Российско-Турецкий центр по контролю за прекращением огня в Нагорном Карабахе и руководство российского миротворческого контингента, о том, что данные действия являются ответными на несогласованный переброс вооружения и

военной техники Армении в Нагорный Карабах. Данные действия со стороны Азербайджана нарушили требования Трехстороннего заявления. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что несмотря на наличие формальных договоренностей, реальных возможностей урегулировать конфликт у Российского миротворческого контингента не оказалось. Это было связано с отсутствием правовой возможности миротворческого контингента применить превентивную силу в отношении митингующих. Решение оставалось за руководством стран Трехстороннего заявления. При этом благодаря наличию Совместного Российско-Турецкого центра и Межведомственного центра гуманитарного реагирования Российским миротворцам удалось избежать кровопролития и гуманитарной катастрофы, а также организовать перемещение гуманитарной помощи для блокированных территорий.

Кульминацией описываемых событий являлось 19 и 20 сентября 2023 года. В эти дни вооруженные силы Азербайджана, начали полномасштабную военную операцию по разрешению территориального вопроса, результатом которой стало разоружение вооруженных формирований на территории Нагорного Карабаха, передача оружия и военной техники Азербайджанской стороне, а также массовый исход местного населения на территорию Армении. Де-факто территориальный вопрос был разрешен силой, вся территория Нагорного Карабаха перешла под контроль азербайджанской стороны, став полноценным экономическим районом Азербайджанской Республики.

На сегодняшний день миротворческая операция в Нагорном Карабахе завершена и конфликт так или иначе разрешен. С 1 января 2024 года республика Арцах (армянское название непризнанной республики) прекратила свое существование, 28 сентября 2023 г. последний глава непризнанной республики Самвел Шахраманиян подписал указ о полном упразднении государственных учреждений, населению НКР, в том чи-

сле находящемся за пределами республики, было предоставлено право ознакомиться с условиями реинтеграции которые предлагает Азербайджанская сторона и самостоятельно принимать решение о возможности прибытия в Нагорном Карабахе. Стратегический баланс сил в регионе на этот раз изменился в пользу Азербайджана.¹

Вывод

Проведенное исследование нормативно-правовой базы миротворческой операции в Нагорном Карабахе и влияния заинтересованных стран на данный процесс позволяет сделать несколько ключевых выводов, которые подтверждают основные идеи статьи и отражают итог аналитической работы, проведенной автором.

Во-первых, анализ нормативно-правовой базы показал, что существующие международные и национальные правовые акты, регулирующие миротворческую деятельность, имеют свои недостатки и требуют дальнейшего совершенствования. В частности, отсутствие четких механизмов взаимодействия между участниками миротворческой операции и недостаточная правовая защита миротворцев часто приводят к возникновению конфликтов.

Во-вторых, изучение влияния заинтересованных стран, таких как Турция и Иран, на миротворческую операцию в Нагорном Карабахе выявило наличие значительных геополитических интересов этих государств в регионе. Участие Турции через Совместный российско-турецкий центр имело важный опыт в развитии миротворчества в целом, Центр оказал влияние на итоги операции, как успешная платформа для переговоров и установления стабильности в регионе. С другой стороны, Иран, хотя и не участвовал напрямую в миссии, оказывал некоторое воздействие через дипломатические и военные каналы,

¹ Нагорно-Карабахская республика прекратила существование. URL: <https://www.interfax.ru/world/938736>

что также следует учитывать при анализе ситуации.

В-третьих, анализ результатов операции показал, что успешность миротворческой операции во многом зависела от решений Москвы. Важную роль здесь играют не только военно-политические, но и социально-экономические аспекты, такие как восстановление инфраструктуры и обеспечение гуманитарной помощи пострадавшему населению.

Итог научного анализа свидетельствует о необходимости разработки более комплексного и взаимосвязанного подхода к планированию и осуществлению миротворческих операций. Это включает в себя, как улучшение нормативно-правовой базы, так и учет геополитических интересов заинтересованных стран, а также создание эффективных механизмов координации всех участников процесса, достаточного, чтобы страна не соблюдающая условия, которые установлены соглашением получала санкции на уровне мирового сообщества. Только при соблюдении этих условий можно рассчитывать на успех последующих миссий, в которых будет участвовать Российская Федерация. Отсутствие рычагов влияния на конфликтующие стороны на дипломатическом уровне приводит к несоблюдению договоренностей сторонами и отсутствию возможностей разрешения конфликта, либо к гуманитарной катастрофе, и, как следствие, потерями среди мирного населения. Наличие Российского миротворческого контингента в Нагорном Карабахе помогло не допустить этих страшных последствий, но, к сожалению, и не разрешило конфликт «мирным» путем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аватков, В. А. Турция в трансформирующемся миропорядке / В. А. Аватков, Р. И. Гузаеров // Постколониализм и современность. — 2023. — № 1(1). — С. 47–56. — DOI 10.31249/j.2949-1711.2023.01.02. — EDN PUMBKU.
2. Буря на Кавказе / Д. Барри, Г. М. Дерлугьян, А. М. Искандарян [и

др.]. — Москва : Центр анализа стратегий и технологий, 2021. — 128 с. — ISBN 978-5-6045362-2-3. — EDN JYMBZC.

3. Герасимов, В. В. Социально-экономические изменения в условиях политических кризисов и конфликтов / В. В. Герасимов, А. А. Королев, Е. О. Герасимова // Вестник Самарского муниципального института управления. — 2023. — № 4. — С. 35–44. — EDN WLXCSK.

4. Глебов, И. Н. Миротворческая миссия России в Нагорном Карабахе: правовые условия и существующие проблемы / И. Н. Глебов // Военное право. — 2023. — № 2 (78). — С. 212–216. — EDN FPSCFG.

5. Грошева, Л. И. Миротворчество в условиях современного политического информационного поля / Л. И. Грошева, Ы. Ж. Жумабек // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2016. — № 3(8). — С. 15–18. — EDN XBFGXL.

6. Дегтерев, Д. А. Миротворчество в меняющемся мире / Д. А. Дегтерев, О. В. Петровская // Проблемы национальной стратегии. — 2022. — № 2 (71). — С. 10–13. — EDN AEBNVT.

7. Ибрагимов, Ф. Э. Роль Ирана в решении урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта / Ф. Э. Ибрагимов // Постсоветские исследования. — 2020. — Т. 3, № 4. — С. 349–360. — EDN WQWYJN.

8. Иванов, В. Г. Особенности построения и функционирования системы связи при выполнении миротворческой операции в Нагорном Карабахе / В. Г. Иванов, А. В. Филин // Военная мысль. — 2022. — № 9. — С. 75–81. — EDN HYZSNZ.

9. Косов, Г. В. Пересечение стратегических интересов России и Турции на постсоветском пространстве / Г. В. Косов, Р. Н. Шангараев // Современная наука и инновации. — 2020. — № 3 (31). — С. 148–155. — DOI 10.37493/2307-910X.2020.3.19. — EDN QLJXFQ.

10. Мацкевич, А. И. Современные военные вызовы России / А. И. Мацкевич, Н. С. Николенко // Военная безопасность России: взгляд в будущее: Материалы 7-й Международной межведомственной научно-практической конференции научного отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук.

В 3 томах, Москва, 17 мая 2022 года. Том 1. — Москва: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 2022. — С. 332–335. — EDN ZFIRVJ.

11. Минтягов, С. А. Деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в военное время: правовой аспект / С. А. Минтягов // Военное право. — 2022. — № 1(71). — С. 34–41. — EDN OVXIAJ.

12. Никитин, А. И. Деятельность неправительственных организаций по урегулированию этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве / А. И. Никитин, И. В. Болгова, Ю. А. Никитина // Quaestio Rossica. — 2020. — Т. 8, № 2. — С. 428–441. — DOI 10.15826/qr.2020.2.472. — EDN IIPRMJ.

13. Романчук, С. И. Миротворчество России на постсоветском пространстве: итоги и перспективы / С. И. Романчук // Мировая экономика и международные отношения. — 2014. — № 1. — С. 72–79. — EDN RYFJXV.

14. Тонкошуров, В. П. Нагорный Карабах: российская миротворческая операция / В. П. Тонкошуров, А. В. Шигин // Военная мысль. — 2022. — № 4. — С. 44–50. — EDN AONFIP.

15. Харичкин, И. К. Российское миротворчество в СНГ — элемент системы обеспечения глобальной международной безопасности / И. К. Харичкин, П. В. Шамаров // Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир: Монография / Ответственный редактор О. П. Иванов. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. — С. 277–292. — EDN CIUTHJ.

16. Цыганков, С. В. Информационно-психологическое обеспечение миротворческой операции ВС РФ на территории Нагорного Карабаха / С. В. Цыганков // Актуальные проблемы профессионально-практической психологии (дьяченкоские чтения — 2022) : Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции, Москва, 17–18 февраля 2022 года. — Москва: Военный университет, 2022. — С. 346–352. — EDN MSHSVK.

17. Шевчук, Н. В. Миротворчество на Днестре: «казнить нельзя помиловать» / Н. В. Шевчук // Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы: сборник научных статей / Воронежский государственный университет; Центр изучения Центральной и Восточной Европы; Центр исследований проблемной государственности. Том Выпуск 4. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. — С. 149–159. — EDN WSMHZN.

18. Шевчук, Н. В. Нагорный Карабах: мир наступит, но... после войны: Аналитика РСМД / Н. В. Шевчук. — Москва: Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2020. — 5 с. — EDN LMLUIQ.

19. Alemdar, M. Strategic Analysis of Nagorno-Karabakh Issue and Possible Scenarios of the Future of the Problem / M. Alemdar, E. I. Atabay // Постсоветские исследования. — 2022. — Vol. 5, No. 8. — P. 799–805. — EDN LUCBNK.

20. Jonson, L. Russia and peacekeeping in Eurasia / L. Jonson, C. Archer // Peacekeeping And The Role Of Russia In Eurasia, 2019. — P. 3–29. — EDN UDPRXB.

21. Terzic, M. Critical review of the protection of aircraft defense forces during the conflict in Nagorno Karabakh in 2020 / M. Terzić // Small Wars & Insurgencies. — 2022. — Vol. 33, No. 6. — P. 1017–1031. — DOI 10.1080/09592318.2021.2025286. — EDN CNKVNG.

22. Yavuz, M. H. The Karabakh Conflict Between Armenia and Azerbaijan: Causes & Consequences / M. H. Yavuz, M. M. Gunter. — Cham: Palgrave Macmillan, 2023. — 225 p. — ISBN 978-3-031-16261-9. — DOI 10.1007/978-3-031-16262-6. — EDN CMEXJD.

23. Yilmaz, S. Land Swap Formula in the Nagorno-Karabakh Crisis Solution: Goble Plan and Lavrov Plan / S. Yilmaz // Bilig. — 2022. — Vol. 2022, No. 100. — P. 177–209. — DOI 10.12995/bilig.10008. — EDN QALNLJ.

REFERENCES

1. Avatkov, V. A., Guzaerov, R. I. (2023) Turkey in the transforming world order. *Postkolonializm i sovremennost'*,

1(1), pp. 47-56. DOI 10.31249/j.2949-1711.2023.01.02. <https://elibrary.ru/pumbku>.

2. Barri, D., Derlug'yan, G. M., Iskandaryan A. M [i dr.] (2021) Storm in the Caucasus. Moscow, Publ. Tsentralnaya analiza strategii i tekhnologii, 128 p. ISBN 978-5-6045362-2-3. <https://elibrary.ru/jymbzc>.

3. Gerasimov, V. V., Korolev, A. A., Gerasimova, E. O. (2023) Socio-economic developments in political crises and conflicts. *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya*, (4), pp. 35-44. <https://elibrary.ru/wlxcsk>.

4. Glebov, I. N. (2023) Russian peacekeeping mission in Nagorno-Karabakh: legal conditions and existing problems. *Voennoe pravo*, 2(78), pp. 212-216. <https://elibrary.ru/fpscfcg>.

5. Grosheva, L. I., Zhumabek Y. Zh. (2016) Peacekeeping in a modern political information field. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 3(8), pp. 15-18. <https://elibrary.ru/xbfgxl>.

6. Degterev, D. A., Petrovskaya, O. V. (2022) Peacemaking in a Changing World. *National strategy issues*, 2(71), pp. 10-13. <https://elibrary.ru/aebnvt>.

7. Ibragimov, F. E. (2020) Iran's role in the settlement of the Nagorno-Karabakh conflict. *Postsovetskie issledovaniya*, 3 (4), pp. 349-360. <https://elibrary.ru/wqwyjn>.

8. Ivanov, V. G., Filin, A. V. (2022) Peculiarities of the construction and functioning of the communication system during the peacekeeping operation in Nagorno-Karabakh. *Military thought*, (9), pp. 75-81. <https://elibrary.ru/hyzsnz>.

9. Kosov, G. V., Shangaraev, R. N. (2020) The intersection of strategic interests of Russia and Turkey in the post-Soviet space. *Modern science and innovations*, 3(31). pp. 148-155. <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2020.3.19>. <https://elibrary.ru/qljxfq>.

10. Matskevich, A. I., Nikolenko, N. S. (2022) Modern military challenges of Russia. *Voennaya bezopasnost' Rossii: vzglyad v budushchee*. Materialy 7-i Mezhdunarodnoi mezhvedomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii nauchnogo otdeleniya № 10 Rossiiskoi

akademii raketnykh i artilleriiskikh nauk. V 3-kh tomakh, Moscow, 17 may 2022 . Tom 1. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet imeni N.E. Baumana (natsional'nyi issledovatel'skii universitet), pp. 332-335. <https://elibrary.ru/zfirvj>.

11. Mintyagov, S. A. (2022) The activities of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation in wartime: legal aspect. *Voennoe pravo*, 1(71), pp. 34-41. <https://elibrary.ru/ovxaj>.

12. Nikitin, A. I., Bolgova, I. V., Nikitina, Yu. A. (2020) Activities of non-governmental organizations to resolve ethno-political conflicts in the post-Soviet space. *Quaestio Rossica*, 8 (2), pp. 428-441. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.472>. <https://elibrary.ru/iiprmj>.

13. Romanchuk, S. I. (2014) Russian peacekeeping in the post-Soviet space: results and prospects. *World economy and international relations*, (1), pp. 72-79. <https://elibrary.ru/ryfjxv>.

14. Tonkoshkurov, V. P., Shigin, A. V. (2022) Nagorno-Karabakh: Russian peacekeeping operation. *Military thought*, (4), pp. 44-50. <https://elibrary.ru/aonfip>.

15. Kharichkin, I. K., Shamarov, P. V. (2023) Russian peacekeeping in the CIS is an element of the global international security system. *Novaya epokha mezhdunarodnoi bezopasnosti. Rossiya i mir*. Moscow, Publ. Prospekt, pp. 277-292. <https://elibrary.ru/ciuthj>.

16. Tsygankov, S. V. (2022) Information and psychological support of the peacekeeping operation of the RF Armed Forces on the territory of Nagorno-Karabakh. *Aktual'nye problemy professional'no-prakticheskoi psikhologii (dyachenkovskie chteniya — 2022)* : Sbornik nauchnykh trudov I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moscow, 17-18 fevralya 2022. Moscow, Voennyi universitet, pp. 346-352. <https://elibrary.ru/mshsvk>.

17. Shevchuk, N. V. (2020) Peacemaking on the Dniester: "execution cannot be pardoned". *Problemy stran postsovetskogo prostranstva, Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy: sbornik nauchnykh statei*. Tom 4. Voronezh, Publ. Voronezhskii

gosudarstvennyi universitet, pp. 149-159. <https://elibrary.ru/wsmhzn>.

18. Shevchuk, N. V. (2020) Nagorno-Karabakh: peace will come, but... after the war: INF Analytics. Moscow, Publ. "Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam", 5 p. <https://elibrary.ru/lmluiq>.

19. Alemdar, M., Atabay, E. I. (2022) Strategic Analysis of Nagorno-Karabakh Issue and Possible Scenarios of the Future of the Problem. *Postsovetskie issledovaniya*, 5 (8), pp. 799-805. <https://elibrary.ru/lucbnk>.

20. Jonson, L., Archer, C. (2019) Russia and peacekeeping in Eurasia. *Peacekeeping And The Role Of Russia In Eurasia*, pp. 3-29. <https://elibrary.ru/udprxb>.

21. Terzic, M. (2022) Critical review of the protection of aircraft defense forces

during the conflict in Nagorno Karabakh in 2020. *Small Wars & Insurgencies*, 33 (6), pp. 1017-1031. <https://doi.org/10.1080/09592318.2021.2025286>. <https://elibrary.ru/cnkvng>.

22. Yavuz, M. H., Gunter, M. M. (2023) The Karabakh Conflict Between Armenia and Azerbaijan: Causes & Consequences. Cham, Palgrave Macmillan, 225 p. ISBN 978-3-031-16261-9. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-16262-6>. <https://elibrary.ru/cmexjd>.

23. Yilmaz, S. (2022) Land Swap Formula in the Nagorno-Karabakh Crisis Solution: Goble Plan and Lavrov Plan. *Bilig*, 2022 (100), pp. 177-209. <https://doi.org/10.12995/bilig.10008>. <https://elibrary.ru/qalnlj>.

For citing: Zherdetsky, E. A. (2025) Peacekeeping operation in Nagorno-Karabakh: challenges and problems of international legal regulation. *Sotsium i vlast/Society and Power*, 22 (3), pp. 70–84. <https://elibrary.ru/gpmaed>.

SCIENTIFIC ARTICLE

EDN GPMAED
HAC (Higher Attestation Commission) 5.5.2
UDC 329.273
Code of State Categories Scientific and Technical
Information 11.25.33

**PEACEKEEPING OPERATION
IN NAGORNO-KARABAKH:
CHALLENGES
AND PROBLEMS
OF INTERNATIONAL
LEGAL REGULATION**

Egor A. Zherdetsky,

Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
North-West Institute of Management,
Postgraduate student of the Department
of International Relations,
Saint Petersburg, Russia.
ORCID 0009-0003-4701-0169
E-mail: e.zherdeczcky@yandex.ru

ABSTRACT

Introduction. The legal framework for peacekeeping operations is one of the main issues analyzed today by experts in the field of international relations and international security in the context of conflict resolution. The participation of the peacekeeping contingent of the Russian Federation in stabilizing the situation in Nagorno-Karabakh from November 9, 2020 to June 12, 2024 became one of the convincing illustrations of how the lack of an adequate legal framework affected the effectiveness of the peacekeeping mission and the ability of Russia to influence the positions of the actors involved in the conflict and its settlement.

The article is focused on the current aspects of the legal status of Russian peacekeepers and mechanisms for protecting the interests of both Russian peacekeepers and peacekeeping forces as a whole.

The article analyzes the degree to which the tasks of the peacekeeping operation were fulfilled and identifies the impact of the actions of the third parties - Turkey and Iran - on it.

The purpose of the article is to systematize the main characteristics of the legal framework, based on the analysis of the problems of implementing the peacekeeping operation of the Russian Federation in Nagorno-Karabakh, taking into account the actions of the countries involved

in the Nagorno-Karabakh settlement, including Turkey and Iran.

Methods. The study uses general scientific methods, including the analysis of legal documents and scientific literature.

Scientific novelty of the study consists in a comprehensive analysis of the legal regulation of the peacekeeping operation in Nagorno-Karabakh, in the context of Turkey and Iran involvement, which made it possible to identify unique aspects of the operation. Unlike existing studies, the work focuses on the interaction of various legal norms and principles applied by all participants in the peacekeeping operation, which creates a multi-level picture of the peacekeeping process. For the first time, the work of the Joint Russian-Turkish Center for Monitoring the Ceasefire in Nagorno-Karabakh as a political organism of interaction between the conflicting parties and the Interdepartmental Humanitarian Response Center as an institution ensuring the return of the civilian population to normal life is comprehensively described. Moreover, the article highlights the influence of regional players on the formation of normative bases of peacekeeping activities, offering new approaches to assessing each country's stake in conflict resolution.

Results. The article examines the problems of international legal regulation of the peacekeeping operation in Nagorno-Karabakh, taking into account the influence of all interested parties to the conflict. An analysis of existing international norms and mechanisms, such as UN mandates and the creation of regional treaties to resolve the conflict, is conducted. Shortcomings in the legal regulation of peacekeeping activities in general and the Russian peacekeeping forces in particular are identified.

Conclusions. The peacekeeping operation in Nagorno-Karabakh demonstrates gaps in international legal norms for effective conflict resolution, current problems of coordinating the actions of all participants, ineffective mechanisms for the use of preventive force.

KEYWORDS

peacekeeping,
peacekeeping operation,
Nagorno-Karabakh,
conflict resolution,
legal status

CONFLICT OF INTEREST

The author declares that there is no conflict of interest.

Article received: 16.02.2024

Reviews received: 09.02.2025

Accepted for publication: 30.08.2025

Copyright: © Zherdetsky E. A. (2025).
Published by Chelyabinsk branch of RANEP.
Open access under CC BY-NC License 4.0.